

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «Теория и практика перевода»

(наименование кафедры)

45.03.02 Лингвистика

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Перевод и переводоведение

(направленность (профиль)/специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему: Прагматическая адаптация переводов произведений Р.М. Рильке на русский язык

Студент

В.С. Лобов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

К.А. Касаткина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой к.ф.н., доцент, С.М. Вопяшина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ г.

Тольятти 2019

АННОТАЦИЯ

Тема: «Прагматическая адаптация переводов произведений Р.М. Рильке на русский язык».

Объём выпускной квалификационной работы 58 страниц. Библиографический список включает 54 источника.

Ключевые слова: перевод художественных текстов, прагматическая адаптация, переводческие трансформации.

Объект исследования выпускной квалификационной работы – переводы немецких поэтических текстов Р.М. Рильке на русский язык и их оригиналы.

Предмет исследования – приёмы прагматической адаптации, используемые К. Богатырёвым и В. Куприяновым при переводе стихов с немецкого языка на русский язык.

Бакалаврская работа включает в себя введение, где представлены цель, задачи, методы, предмет, объект, практическая значимость, теоретическая значимость, теоретическая база и иллюстративный материал исследования.

В первой главе рассматриваются основные понятия теории перевода, особенности художественного перевода, прагматические аспекты перевода поэтических текстов.

Во второй главе представлена прагматическая адаптация переводов произведений Р.М. Рильке и способы осуществления прагматической адаптации на русский язык.

В заключении подводятся итоги исследования, приводится список используемой литературы, содержащий труды по стилистике и переводу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....	7
1.1. Адекватность и эквивалентность как базисные понятия теории перевода	7
1.2. Художественный перевод, прагматические аспекты поэтического перевода. Особенности перевода поэтического наследия Рильке.....	18
Выводы по первой главе.....	25
ГЛАВА 2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р.М. РИЛЬКЕ И СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	27
2.1. Прагматическая адаптация переводов произведений Р.М. Рильке при переводе на русский язык.....	27
2.2. Способы осуществления прагматической адаптации на русский язык	46
Выводы по второй главе.....	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	54

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к искусству перевода неиссякаем. Тому есть множество причин. Вот что пишет по этому поводу известный писатель Умберто Эко: «с одной стороны, это явление глобализации, затем – развитие интереса к симеотике, благодаря понятие перевода становится центральным и наконец, распространение информатики, побуждающее многих к попыткам создания и дальнейшего совершенствования моделей искусственного перевода» [44, с. 17-18].

При работе над текстом переводчик стремится достичь коммуникативной равноценности первоисточника и производного от него текста. Другими словами, созданный переводчиком текст должен оказывать такое же влияние на иноязычного читателя, какое оригинальное произведение оказывает на своего рецептора.

Как правило, иностранные тексты предназначены для людей, говорящих на данном языке. То, как их воспринимает читатель, зависит и от личностных особенностей субъекта, и от его эрудированности, и от социума, в котором он живет. Текст, созданный переводчиком, ориентирован на человека с другим языком общения. Разумеется, что характеристики данного субъекта будут отличаться. Прагматическая адаптация первичного текста к языку перевода позволяет обеспечить коммуникативную равноценность и адекватность воздействия.

Особенности прагматической адаптации текста перевода рассматриваются в данной работе. В качестве примеров были использованы стихотворные произведения Р.М. Рильке. В частности, их переводы К. Богатырева и В. Куприянова.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что проблемы качественного перевода остаются насущными во все времена. Переводческая адаптация художественных и, в частности, поэтических текстов требует от переводчика особого мастерства, если не сказать виртуозности. Ведь нужно

донести до читателя не только содержание, но чувства, переживания, стилистические особенности и образность, неповторимость языка автора.

Теоретической основой исследования явились труды Брандеса М.П., Виноградова В.С., Гарбовского Н.К., Демецкой В.В., Комиссарова В.Н., Станиславского А.Р., Федорова А.В., Швейцера А.Д., Эко У. и др.

Объект исследования выпускной квалификационной работы – переводы немецких поэтических текстов Р.М. Рильке на русский язык и их оригиналы.

Предмет исследования – приёмы прагматической адаптации, используемые К. Богатырёвым и В. Куприяновым при переводе стихов с немецкого языка на русский язык.

Целью выпускной квалификационной работы является изучение практики перевода поэзии Р.М. Рильке на русский язык с позиции использования приемов прагматической адаптации как необходимого условия качественного перевода. Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать и обобщить имеющийся теоретический материал о базисных понятиях теории перевода;
- изучить взгляды ученых на перевод как таковой, его виды и роль адаптации при переводе текстов;
- изучить прагматические аспекты поэтического перевода и, в частности, особенности перевода поэтического наследия Р.М. Рильке;
- проанализировать приемы прагматической адаптации на примере переводов поэтического творчества Р.М. Рильке;
- обобщить полученные результаты.

В ходе работы использовались следующие **методы** исследования:

- анализ научной литературы по теории перевода;
- описательный метод;

- метод сопоставительного лингвостилистического анализа оригиналов и их переводов.
- метод трансформационного анализа;
- метод филологического анализа.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы: полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в теоретическом и практическом курсе перевода; они могут также представлять интерес для исследователей творчества Р.М. Рильке.

Структура работы: данная работа включает в себя введение, где представлены цель, задачи, методы, предмет, объект, практическая значимость, теоретическая значимость, теоретическая база и иллюстративный материал исследования.

В первой главе рассматриваются основные понятия теории перевода, особенности художественного перевода, прагматические аспекты перевода поэтических текстов.

Во второй главе представлена прагматическая адаптация стилистических приёмов в произведениях Р.М. Рильке и сложности при осуществлении прагматической адаптации на русский язык.

В заключении подводятся итоги исследования, приводится список используемой литературы, содержащий труды по стилистике и переводу.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

1.1. Адекватность и эквивалентность как базисные понятия теории перевода

Перевод обычно трактуется как способ обеспечения общения между носителями разных языков посредством воспроизведения на ином языке сообщения, содержащегося в исходном тексте. В широком смысле лингвисты, как правило, рассматривают перевод как замену текста на одном языке текстом на другом языке. Затем только изучают требования, предъявляемые к создаваемому тексту, чтобы он (текст) явился качественной заменой текста оригинального. Далее уделяется внимание отношениям, возникающим между исходным текстом и текстом перевода, как в целом, так и между отдельными их частями. Следует отметить, что лингвистическая теория перевода рассматривает соотношение единиц двух языков не отдельно друг от друга, а в текстах оригинальных и переведенных. Причем благодаря сопоставительному анализу выше названных текстов становится возможным получение различных данных. Во главу угла теория перевода ставит описание содержательных отношений между исходным и полученным в результате перевода текстами, раскрытие понятий «эквивалентность перевода» и «адекватности перевода». Бесспорно, первостепенной задачей переводчика является по возможности равноценное воспроизведение содержания текста-исходника. Как этого добиться? Как найти именно те из языковых средств, которые помогут обеспечить адекватность перевода? Изучением названных проблем на протяжении длительного времени занимаются такие науки как лингвистика и теория перевода.

Одним из видных исследователей в данной области является В.Н. Комиссаров. Он полагает, что понятия «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод» не идентичны. Тем не менее, между ними

прослеживается тесная взаимосвязь. По мнению ученого, эквивалентность – это «смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи». Понятие «адекватный перевод», как считает В.Н. Комиссаров, следует рассматривать несколько шире. «Адекватный перевод» – это значит «хороший», качественный перевод, т. е. перевод, который обеспечивает «необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях и ситуациях возникающих при межъязыковых коммуникациях» [22, с. 48-50].

Указывает на неоднозначность терминов «эквивалентность» и «адекватность» и А.Д. Швейцер: «Если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли текст перевода исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям...» [42, с. 21-22].

Эквивалентность представляет собой определенное соотношение между текстом оригинала и текстом перевода либо их сегментами. Следует отметить, что полная эквивалентность – это своего рода идеализированный конструкт, которого далеко не всегда возможно достигнуть в реальности. В противостоянии терминов «эквивалентность» и «адекватность» отражается двойственная природа перевода. [20, с. 81-90].

Эквивалентность призвана обеспечить соответствие полученного в результате перевода текста тем или иным параметрам, заданным текстом оригинальным. Адекватность же определяется условиями межъязыковой коммуникации, а также выбором той переводческой стратегии, которая соответствует той или иной коммуникативной ситуации.

Следует отметить еще нечто важное, отличающее понятия «эквивалентность» и «адекватность» друг от друга. Эквивалентность, как правило, имеет целью идеальный эталон. Она предусматривает по возможности более полную передачу содержания первичного текста на всех семиотических уровнях, обеспечивая все его функции (полная эквивалентность). Если же речь идет о каком-либо одном семиотическом

уровне и одной какой-то функции, то тут имеет место эквивалентность частичная. Адекватность имеет иной онтологический статус. Она нацелена на оптимальность и подразумевает выбор самого лучшего из того, что представляется возможным при тех или иных условиях. Следовательно, мы можем говорить об адекватности и в той ситуации, когда критерии эквивалентности не выполняются. Перевод может быть вполне адекватен, даже если какие-то элементы текста неэквивалентны. [21, с. 93-94].

Выше сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что «адекватность» и «эквивалентность» – довольно тесно взаимосвязанные между собой понятия, демонстрирующие различные стороны одного явления.

Остановимся на уровнях эквивалентности, выделенных Комиссаровым.

Теория уровней эквивалентности является своего рода моделью переводческой деятельности, подразумевающей, что отношения эквивалентности устанавливаются между идентичными уровнями текстов оригинала и перевода. Тот или иной уровень или тип эквивалентности определяется той частью содержания, которая передается в переводе с целью достижения его эквивалентности.

1. Уровень цели коммуникации. Характеризуется сохранением части содержания первичного текста, демонстрирующей общую речевую функцию текста в процессе общения. Является целью коммуникации. Переводы на данном уровне осуществляются при отсутствии возможности более подробной передачи содержания. Также следует отметить и тот случай, когда детальное воспроизведение информации может вызвать у рецептора неправильные ассоциации. В результате цель коммуникации не будет достигнута.

2. Уровень описания ситуации. Общая часть содержания оригинала и перевода преследует одну коммуникативную цель и, помимо того, передает одну и ту же внеязыковую ситуацию. Характеризуется значительными структурно-семантическими расхождениями с оригиналом. Одна и та же

ситуация идентифицирована в первичном и переводном текстах, однако, способ ее описания изменен. Большой части слов и синтаксических структур исходного текста нет непосредственного соответствия в тексте перевода.

3. Уровень высказывания. Эквивалентность на уровне структуры высказывания. Сохранены не только три компонента содержания, но и большинство значений синтаксических структур первичного текста.

В выше названных уровнях эквивалентности в переводе сохранялась информация о том, с какой целью передается содержание оригинала и о том, что конкретно сообщается. [21]. В данном типе эквивалентности передается и то, «что сообщается в оригинале».

4. Уровень сообщения. Эквивалентность на уровне сообщения. Сохранена цель коммуникации, обрисована та же ситуация. Общие понятия, посредством которых данная ситуация обозначена в тексте-исходнике, также сохранены. Что же касается синтаксической структуры и использованных в переводе слов, то они не воспроизводят синтаксической структуры и значений слов оригинала.

Сохранены три компонента содержания и воспроизведены большинство значений синтаксических структур оригинала. Структура оригинала несет определенную информацию, включенную в общее содержание переводимого текста.

5. Уровень языковых знаков. Эквивалентность на уровне языковых знаков. Типично сохранение цели коммуникации, описания ситуации, смысла сообщения. Не претерпевают изменений значение синтаксических структур и значение слов. В данном случае мы можем говорить о наибольшей степени близости содержания оригинала и перевода.

Характерно не только сохранение четырех частей содержания, но и наибольшая общность отдельных сем, которые входят в значения соответствующих слов в текстах оригинала и перевода. Итак, следуя взглядам В.Н. Комиссарова, заключаем, что эквивалентность перевода

обеспечивает в наибольшей степени идентичность содержания первичного текста и текста, полученного в результате перевода.

Далее определим, что значит трансформация. Трансформация подразумевает закономерное преобразование основной языковой модели, что ведет, в свою очередь, к возникновению вторичной языковой структуры. Термин «трансформация» используется во многих областях языкознания.

Исследователь И. Рецкер подразумевает под трансформациями приемы логического мышления. Посредством них переводчику удается разъяснить суть иностранного слова в контексте и отыскать ему в русском языке такое соответствие, которое не совпадает со словарным. Это так называемые лексические трансформации. Нормы языка перевода диктуют и правила изменения структуры предложения. Это ведет к грамматическим трансформациям. [31]. Стилистические трансформации трактуются им (со ссылкой на Левицкую Т.Р. и Фитерман А.М.) как «творческие приемы перевода» [32, с. 12].

Известный ученый В.Н. Комиссаров предложил следующую классификацию переводческих трансформаций.

Лексические трансформации: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция).

Грамматические трансформации: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения).

Комплексные или лексико-грамматические трансформации: антонимический перевод, экспликацию (описательный перевод) и компенсацию.

Говоря о соотношении эквивалентности и адекватности, мы можем сделать вывод, что эти две категории носят нормативно-оценочный характер. Объектом эквивалентности выступает конечный результат переводческой деятельности. Что касается адекватности, то здесь под объектом

подразумевается сам процесс перевода. В первом случае содержанием является соотношение текстов. Во втором случае под содержанием имеется в виду соответствие ситуации перевода.

Попробуем определить роль адаптации в переводе.

В.В. Демецкая полагает, что адаптация в переводоведении не очень популярна и ей принадлежит «скромная роль падчерицы» [11, с. 107]. Не особо жалует адаптацию и Л.Л. Нелюбин в своем словаре переводческих терминов. Автор пишет о ней только лишь как о приеме «для создания соответствий путем изменения описываемой ситуации с целью достижения одинакового воздействия на рецептора» [51].

В результате адаптации происходят те или иные преобразования текста, в том числе его упрощение, сокращение. Это обусловлено необходимостью подготовки текста к восприятию людьми, говорящими на другом языке. Адаптация несет также функцию преобразования первичного текста под читателей, не имеющих должной подготовки. Здесь можно рассмотреть случай так называемого упрощения художественного текста для тех, кто еще лишь немного знаком с иностранным языком [40, с. 12-13].

А.В. Федоров вообще не включает адаптацию в переводческую деятельность. Ученый отмечает, что целью перевода является ознакомление иноязычного читателя с каким-либо текстом или устным высказыванием. Слово «перевод», как полагает Федоров, предполагает по максимуму верную и полную передачу информации при помощи иного языка. Исследователь считает, что именно эти два критерия (полнота и верность передачи) позволяют отличить перевод текста от других его преобразований [40, с. 15].

Комиссаров в свою очередь пишет о необходимости ориентации перевода на иноязычный оригинал [23, с. 43]. Но функции переводчика включают не только непосредственно перевод, но и адаптивное транскодирование. Последнее предполагает не только передачу информации, но и ее адаптацию [23, с. 48].

Текст перевода не может в полной мере заменить оригинальный текст. Перевод выступает как средство межкультурного общения. Адаптивное же транскодирование первичного текста обладает «парапереводческим характером». Оно является собой некий синтез двух последовательных преобразований: перевода и заданной адаптации текста перевода [23, с. 48].

Комиссаров, говоря об адаптивном транскодировании, вычленяет сокращенный и адаптированный перевод. При первом из них возможно опущение каких-либо частей оригинального текста. Вторым подразумевает упрощение структуры и содержания переводимого текста для облегчения его восприятия определенными рецепторами [23, с. 49].

Помимо того, Комиссаров ведет речь о стилистической и прагматической адаптации. Стилистическая адаптация необходима тогда, когда «какие-то особенности обнаруживаются только в одном из языков», и тогда «специфические средства изложения в оригинале заменяются языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в ПЯ» [23, с. 127]. Прагматическая адаптация – разновидность адаптированного транскодирования, нацеленного на определенный эффект.

В результате прагматической адаптации возможно возникновение между первичным текстом и текстом перевода эквивалентности разной степени. Произведенные преобразования могут выполнять ряд функций: небольших пояснений, опущений ненужной информации, усиления (ослабления) эмоциональности сообщения. Они могут привести даже к полной перестройке текста, помочь реализовать какие-то дополнительные задачи. Рассмотрим несколько случаев прагматической адаптации.

Прагматическая адаптация может носить характер экспликации, восполнения недостающих фоновых знаний посредством добавления в текст определенной информации. В уточнениях, обычно, нуждаются встречающиеся в оригинале названия географических, культурно-бытовых реалий, учреждений и т. д. Зачастую для правильного понимания текста, напротив, опускают часть непонятных для рецептора подробностей. Порой

конкретные названия заменяются более общими. Используется способ трансформации генерализации.

Если первичный текст имеет какую-то эмоциональную окраску, тогда прагматическая адаптация призвана создать соответствующее эмоциональное воздействия в тексте перевода.

Нередко бывает так, что названия одних и тех же объектов и явлений способствуют возникновению у представителей разных национальностей совершенно не тождественных ассоциаций. Неоднозначно могут восприниматься в оригинальных и переводных текстах целые лексические слои. Использование средств языка, нехарактерных для текстов того или иного типа, может вызвать различный коммуникативный эффект, к примеру, в русском и английском языках.

Для английского языка представителей американского континента типично довольно частое использование сниженной лексики. Чего никак нельзя сказать о русском языке, в котором столь распространены возвышенные слова и выражения. Нередки случаи, когда использование подобных единиц в переводе может иметь в другой культуре нежелательный эффект и быть прагматически неоправданным. Приемы эмфатизации (повышения эмоциональности) и нейтрализации также используются иногда в прагматической адаптации.

Прием эмфатизации может существенно изменить содержание коммуникации, поэтому использовать его нужно с осторожностью. Порой переводчики применяют его антипод – прием нейтрализации эмоционально-оценочного компонента значения.

Нередки случаи, когда в результате прагматической адаптации создается текст, имеющий мало общего с оригиналом. Здесь во главу угла ставится обеспечение эквивалентности эффекта воздействия. В данной ситуации мы можем говорить о переводе на прагматическом уровне переводческой эквивалентности [42]. Такой случай оправдан при ориентации на конкретного рецептора.

Прагматическая адаптация, допускающая значительное изменение первичного текста, применяется при переводе наименований художественных книг, кинокартин. Это делается, чтобы в какой-то степени адаптировать название к культуре другого народа. Так произведение американского автора Джона Стейнбека «In Dubious Battle» на русском языке будет звучать: «И проиграли бой».

В ряде книг по переводу описываются типичные тенденции, опирающиеся на концепцию языкового посредничества (см., например, [6], [29]). Классические взгляды представлены в известной книге В.В. Сдобникова и О.В. Петровой «Теория перевода» [37]. Особенное внимание исследователи уделяют вопросам культурной и хронологической адаптации литературных произведений. Так как «никакой теоретической проблемы, специфичной именно для художественного перевода, при этом не возникает» [35, с. 391-392], то, казалось бы, названный вид адаптации мог бы найти свое место в типологии адаптивного транскодирования или прагматической адаптации.

В некоторых статьях можно проследить изменение классических воззрений на модель языкового посредничества. В этом смысле интересна работа казахского ученого Р.З. Загидуллина «Критика концепции перевода как вида языкового посредничества» [15].

Исследователь не видит оснований для деления процесса перевода на собственно «перевод» и «адаптивное транскодирование». Он ставит под сомнение и то, что «понятие «перевод» охватывает все типы языкового посредничества, включая т.н. дезидеративно адекватные переводы (реферативный, аннотационный, сегментный, аспектный и др.)» [15, с. 24].

Преобразование информации при коммуникации, как считает Р.З. Загидуллин, и есть основная составляющая перевода. Исследователь представляет любые переводные тексты в качестве продукта «преобразований информации, сокращения и адаптации (т.е. адаптивного транскодирования в той или иной степени), в то же время даже выборочный

перевод может быть для коммуниканта равноценным по содержанию тексту оригинала» [15, с. 27].

Концепция языкового посредничества не отличается широтой по той причине, что переводчик зачастую выступает и в роли информатора, и редактора, и критика одновременно. Перечисленные функции, по утверждению Комиссарова, превосходят пределы этой концепции [15, с. 27].

«Теория перевода» Н.К. Гарбовского отражает его видение концепции языкового посредничества. Он пишет о переводе как об «общественной функции коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами» [9, с. 215]. При переводе неминуемы определенные межъязыковые преобразования, коим и дается теоретическое обоснование в работе ученого [9, с. 358]. Он предлагает такую трактовку адаптации как «крайней формы преобразований, допустимых в переводе». Суть же адаптации Н.К. Гарбовский видит в «подмене предметной ситуации, описанной в переводе, другой» [9, с. 383].

Гарбовский выделяет следующие уровни, на которых происходит преобразование: 1) прагматический, 2) семантический (денотативный) и 3) семантический (сигнификативный) [9, с. 392-393]. По его мнению, адаптация имеет прагматическую подоплеку. Что касается ее цели, то это «достижение в тексте перевода коммуникативного эффекта, эквивалентного тому, который может быть выявлен в тексте оригинала» [12, с. 395]. Хотя Гарбовский и относит адаптацию и перевод к «явлениям одного порядка», но указывает на более глубокие преобразования, характерные для адаптации.

В. Демецкая не разделяет взглядов на адаптацию как на вид языкового посредничества, приводящего к наиболее радикальным изменениям, что допускаются при переводе. Она считает, что «адекватность перевода прагматично ориентированного текста возможна в условиях его адаптации к лингвокультурным стереотипам реципиента» [13]. Исследователь утверждает, что перевод нацелен на воссоздание «прагматического потенциала текста или дискурса в переводе с учетом лингвокультурных

стереотипов носителей языка и культуры реципиента». По ее мнению, «адекватный перевод в любом случае предполагает адаптацию» [13].

В.В. Демецкая выделяет такие разновидности адаптации: 1) адаптация на гипертекстовой уровне (структурно-композиционная); 2) адаптация на текстовом уровне (стилистическая); 3) адаптация на гипотекстовом уровне (лексико-семантическая, грамматическая) [12, с. 37].

По мнению В. Демецкой «переводческая адаптация сознательно ориентирована на сопоставление и проверку текстом оригинала» [12, с. 8]. Направления адаптации: а) адаптацию типа текста; б) адаптацию информации типа текста, или адаптацию информации. Вторая стратегия, как считает ученый, скорее переводческая, чем редакторская [12, с. 18].

Обычно перевод направлен на достижение адекватности. Встречаются и такие случаи, когда точное воспроизведение оригинала необязательно, а при переводе решается какая-то особая задача. Можно выделить следующие подвиды прагматической адаптации этого типа.

1) Филологический перевод. При нем сохраняются формальные особенности языка оригинала (буквальный перевод).

2) Упрощенный (приблизительный) перевод. Передача определенных элементов содержания оригинала.

3) Модернизация оригинала. Создание нового текста на основе исходного.

4) Выполнение переводческой сверхзадачи, определяемой особыми причинами: политическими, экономическими, идеологическими, личными. Цель перевода – убедить в чем-либо человека, принимающего перевод.

Далее рассмотрим особенности художественного перевода и прагматической адаптации поэтических текстов и, в частности, стихов М.Р. Рильке.

1.2.Художественный перевод, прагматические аспекты поэтического перевода. Особенности перевода поэтического наследия Рильке.

Все многообразие переводимых текстов можно подразделить на художественные и нехудожественные. Предметом нашего рассмотрения будут именно художественные переводы. Обратимся к опыту ряда исследователей в данной области. Сорокин Ю.А. определяет художественный перевод как «спор двух личностей (автора оригинального текста и переводчика), заведомо не согласных на паритетные отношения, и, тем самым, спор текстов, использующих различную аргументацию» [36, с. 46]. Людсканов А. выделяет «специальные теории перевода, одна из которых, «обслуживающая» литературный перевод», подразделяется на следующие виды:

буквальный («подчиняющийся нормам исходного языка»); смысловой («подчиняющийся нормам принимающего языка»);

свободный («приспосабливающий оригинал к господствующим в обществе нормам прекрасного»);

адекватный («стремящийся к точности передачи исторических и национальных особенностей, воспроизведению оригинала в единстве содержания и формы») [39, с.144].

Гаспаров М., говоря о художественном переводе, называет такие его разновидности как «вольный» и «буквалистский». Вольный перевод обогащает представления читателя о «иноязычных литературах». Буквалистский же перевод, в свою очередь, нацелен на расширение писательских умений «за счет художественных приемов, разработанных в иноязычных литературах» [39, с.216-217]. Кашкин И. высказывает свое мнение о буквальном переводе, отмечая, «что близость к подлиннику не должна вести к потере общего впечатления» [39, с.156].

Гачечиладзе Г., анализируя историю переводческой практики, констатирует, что «художественный перевод колеблется между двумя крайностями – дословно точный, но эстетически неполноценный перевод, и

художественно полноценный, но далекий от оригинала, то есть вольный перевод». Назначение перевода в отражении «художественной действительности подлинника» [39, с.161].

Востребован может быть лишь высококачественный художественный перевод. Качество литературного перевода, по мнению О. Каде, зависит от того, насколько переводчику «удалось художественно представить содержание средствами целевого языка» [39, с.150]. Что же касается непереводимости, то если она «и может фиксироваться на уровне отдельных...единиц, то на уровне текстов, а тем более языков эта проблема снимается» [5, с.61].

К чему отнести художественный перевод – к науке или искусству? Дискуссии на эту тему продолжаются с начала пятидесятых годов прошлого века. А. Дейч в своей статье (1966 г.) говорит о переводе как о науке и искусстве одновременно. Следует, однако, оговориться, что к области науки он относит «предварительное изучение материала» и «стадию анализа текста», а отнюдь не творчество переводчика [39, с.147]. Хорош или плох художественный перевод – об этом судить читателю (критикам в том числе). При этом следует учитывать существование самых различных точек зрения, мнений, взглядов. Наличие таковых свидетельствует о «развитой литературной жизни» [39, с.226]. Следует отметить тот факт, что в настоящее время «уменьшается информационная функция художественного перевода и возрастает функция творческая переводить становится труднее ибо значительно увеличивается число тех, кто может самым непосредственным образом проверить переводчика» [39, с.229].

Перейдем непосредственно к переводу поэзии. В настоящее время ученые уделяют внимание, как правило, формальным особенностям стихотворных текстов. Определение «формы» поэтического произведения обуславливается структуралистскими, формально-поэтическими и с общефилософскими позициями. Во главу угла ставится герменевтическое рассмотрение поэтического текста. Во взаимосвязи рассматриваются

лингвистические характеристики текста, особенности биографии поэта, личностные черты и интертекстуальные особенности текста. [38]. Довольно новое направление теоретического знания в поэтическом творчестве – когнитивное истолкование стихотворных текстов.

Ряд направлений философии рассматривают поэзию не иначе как онтологическую форму представленности человека в мире, прослеживая ее взаимосвязь со специальными формами мышления. Со временем перевод поэзии выступает как отдельная научная проблема. Чтобы справиться с ней, приходится взаимодействовать ученым в разных областях познания.

С теоретической точки зрения перевод стихотворного текста рассматривался как создание чего-то принципиально нового. Причем главным при этом являлась идея, а не содержание первичного текста. Это было характерно для эпохи романтизма. В данный период представление о духе поэтического творения неразрывно связывалось с душевными чаяниями народа, проявляющимися в языке [38].

Со времен романтизма переводчик стихотворного текста преследовал цель передать дух народа через переложение его стихов, песен. Проходят годы, и романтизм вытесняется другим течением. Девятнадцатый век характеризуется возникновением национализма во многих европейских странах. Но время не стоит на месте, все меняется, и теории экспликации национального духа уже не находят своего места в поэзии. Теперь национальные поэзии объединяются в единое целое. Процесс этот обусловлен идеями интернационализма.

Совсем еще недавно под переводом стихотворного текста предполагалось создание чего-то нового, пронизанного духом оригинала. Имел место и такой взгляд на перевод, как на переработку социально-культурных характеристик изначального текста, выражающихся в каких-то его аспектах, а конкретно «в специфической организации формально-метрической стороны стихотворения» [38]. Адекватность перевода при этом

обусловлена различием между культурными особенностями стран языка оригинала и языка перевода[38].

До недавних времен бытовал взгляд на перевод поэзии как на некую форму деятельности эстетической. Связь данного процесса с теорией перевода не прослеживалась. Ныне перевод рассматривается как часть процесса коммуникации, что непосредственно влияет на развитие представлений о поэтическом переводе.

Поэтический текст является сообщением, как и любой другой текст. Показателем адекватности при этом является осуществление влияния поэтического текста на человека при социальном взаимодействии автора и рецептора сообщения. Для выявления особенностей восприятия стихов личностью читателя и вводится категория прагматической реализации поэтического текста. Названная категория является основополагающей для оценки перевода поэзии.

Прагматическая реализация стихотворного текста определяется его специфическим воздействием на человека именно как поэтическое творение. Прагматика перевода поэтического произведения состоит в выделении тех черт перевода стихотворного текста, которые соответствуют в коммуникативном плане исключительно поэтическому тексту как сообщению.

М. Хайдеггер рассматривает поэтический текст как специфическую форму нахождения человека в Бытии [38]. Данное толкование вносит новизну в определение пространства поэтического произведения. Здесь во главу угла ставится не лингвистическая, а семиотическая основа.

Следуя инстинктивному чувству, ряд поэтов переводили стихотворное творение как нечто иное в сравнении с оригинальным поэтическим текстом культуры языка перевода, тем самым акцентируя внимание на семиотическом аспекте стихотворения.

Поэтический текст направлен на коммуникацию больше, чем какой-либо другой. Отсюда вытекает и более сильное стремление слушателя

(читателя) к его пониманию. Поэтому даже не совсем точный и близкий к оригиналу перевод не нарушает восприятия поэтического творения в целом.

Общечеловеческий опыт отражен в поэзии. Это нечто неизмеримо большее, чем частный культурный опыт людей. Передача общечеловеческих представлений, опосредованных той или иной культурой, при помощи символов и составляет суть прагматической реализации поэтического произведения[38]. Учитывая сказанное выше, приходим к выводу: с точки зрения прагматики наибольшая адекватность поэтического перевода определяется направленностью на семиотическую составляющую поэтического текста.

Обратимся теперь непосредственно к поэтическому творчеству М.Р. Рильке, точнее сказать, к переводам его стихотворных произведений. В истории освоения поэзии Рильке в России можно выделить четыре этапа: начальный период – 1906-1919 гг.; промежуточный – 1922-1957 гг.; новый – 1958-1993 гг.; новейший этап – 1994-2006гг.

Среди переводов поэзии Рильке преобладают адекватный перевод, вольный перевод и перевод-девальвация. Что касается переводов прозы писателя, то там, как правило, имеют место квазиадекватные переводы и переводы-девальвации.

Многие переводчики уделяли внимание произведениям Рильке. Их усилия были сконцентрированы в основном на многократном воссоздании основных поэтических и прозаических творений писателя. В результате многие произведения Рильке различных жанров так до сих пор и не нашли свою дорогу к русским читателям. Это относится к драмам, новеллам, дневникам, письмам, эссеистике, многим стихам.

Переводить Р.М Рильке способен далеко не каждый. Для этого необходимы не только особое мастерство, своего рода виртуозность, но и ощущение духовной близости с поэтом. Возникновение все новых и новых переводов творений австрийского поэта подтверждает неисчерпаемость оригинала. М. Горелик справедливо полагает, что любой переводчик Рильке

уязвим для критики. Произведения писателя настолько совершенны по форме, так высок предел их смысловой насыщенности, что Рильке просто «не оставляет переводчику места для маневра».

Говоря о переводах творений Рильке, нельзя не упомянуть знаменитого переводчика Константина Богатырёва, который «открыл» для русского читателя Рильке. Он был поэтом и переводчиком, знал несколько языков, но главным делом его жизни были переводы Рильке (1875–1926). В их судьбах ряд совпадений: родились в Праге; умерли в одном возрасте. После кончины К. Богатырева издательство «Наука» издало его переводы Рильке (172 стихотворения). Это большой самоотверженный труд. После этих публикаций поэт окончательно был признан лучшим переводчиком поэзии Рильке.

В.Г. Куприянов – известный поэт и переводчик-германист. Он многие годы посвятил переводам, в том числе переводам Рильке. Совсем не нужно владеть немецким языком, чтобы погрузиться благодаря переводам Куприянова в необычный и притягательный мир замечательного австрийского поэта.

В. Куприянов пишет о легендарной «русскости» Рильке, которая должна воплотиться в русском языке, «найти свое законное место в нем, раздвигая его поэтические возможности и в то же время открывая простор возможностям переводческого ремесла». Он отмечает, что «переводов Рильке на русский язык множество; пожалуй, ни один иноязычный поэт не представлен столь многочисленными вариантами одного и того же текста»[1].

Куприянов говорил о том, что Рильке свойственно было постоянное движение. Пребывание в России оставило в его душе неизгладимое впечатление. Хотя поэт бывал и в других странах: в Германии, Франции, Швейцарии.

В.Г. Куприянов отрицает активное влияние ландшафта на лирику Рильке. Ландшафт, конечно, присутствовал, но он был внутренним. Рильке

способен был увидеть нечто невидимое. В этом отношении он уникален. Переводчик указывает на то, что из любого странствия, знакомства с людьми Рильке черпал что-то ценное для себя. У него был свой, неординарный подход к миру. К примеру, в книге "Neue Gedichte" («Новые стихотворения») Рильке под воздействием общения с Роденом стремится передать скульптурные принципы изображения мира посредством пластики слова.

Желание Рильке наделить поэтические творения почти телесной красотой приближает его к поэтам модерна. К философам, по мнению В. Куприянова, австрийского поэта можно отнести лишь в незначительной степени. Да и то следует оговориться, что философия эта критическая, отражающая мысли Рильке о боге, любви и т.д.

Философскими категориями, связанными с метаязыком, Рильке не оперирует. Он владеет необычным даром – языком, который, что называется, описывает сам себя. На первый взгляд, простыми словами поэт ярко и вдохновенно рисует разнообразные картины мира. Вспомним некоторые из используемых Рильке выражений: «мечта», «дерево», «пространство»... Люди, владеющие немецким языком, не могут не заметить, что эти слова рифмуются: "Traum" - "Baum" - "Raum". Переводчик расценивает это как своего рода напоминание о наиболее пристальном внимании к тексту.

Переводчику предстоит решить довольно сложную задачу – передать помимо формы оригинала и его содержание тоже, не утратив при том неповторимой уникальности автора, особенностей его языка, передав его «голос», мысли, чувства.

Когда критики пытаются оценить переводы поэтических произведений, они не забывают обратить внимание на ритм, размер, лексические средства и т.п. Но не следует упускать тот факт, насколько важно сопоставление стихотворения оригинала и его перевода с лингвистической точки зрения. Только в этом случае мы можем наблюдать, насколько мастеру перевода удалось проникнуть в сознание автора произведения и преподнести читателю его видение мира средствами родного языка. В завершение наших

рассуждений уместно вспомнить слова известного писателя У. Эко. Он пишет: «...когда я покупаю или ищу в библиотеке перевод великого поэта, сделанный другим великим поэтом, я не ожидаю обрести что-нибудь сильно схожее с оригиналом; напротив, обычно я читаю перевод, поскольку уже заранее знаю оригинал и хочу увидеть, как художник-переводчик встречается... с переведенным им художником» [44, с. 21-22].

Выводы по первой главе

Итак, мы рассмотрели базисные понятия теории перевода (адекватность и эквивалентность), придя к заключению, что они представляют собой разные стороны одного феномена и неразрывно связаны друг с другом. Изучили подробно уровни эквивалентности, предложенные Комиссаровым. Нами было представлено мнение ряда исследователей о роли адаптации в переводческой деятельности и выявлены основные виды адаптации.

Говоря о прагматических аспектах перевода поэтического текста, мы констатировали тот факт, что данный вопрос должен рассматриваться сегодня как самостоятельная научная проблема. Нами представлена кратко диалектика взглядов на специфику поэтического перевода в разные временные периоды. Определена суть прагматической реализации поэтических произведений. Мы делаем вывод о том, только при условии ориентации на семиотику поэтического текста может быть достигнут наиболее адекватный его перевод.

Говоря о специфике перевода поэтического наследия М.Р. Рильке, мы выявили, что преобладающими типологическими формами перевода поэзии Рильке выступают адекватный перевод, вольный перевод и перевод-девальвация. Нами упомянуты двое из самых известных и талантливых переводчиков стихов австрийского поэта, а именно, К. Богатырев и В.Г. Куприянов. Анализу поэтических переводов Рильке этих авторов, в

частности, приемов адаптации, и будет посвящена следующая глава нашей бакалаврской работы.

ГЛАВА 2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р.М. РИЛЬКЕ И СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В практической части рассмотрим то, как К. Богатырёв и В. Куприянов сохраняют своеобразие стиля автора при переводе, как доносят до русскоязычного реципиента идею и смысл произведения, как адаптируют текст под русскоязычного читателя, какие переводческие приёмы при этом используют и с какими сложностями сталкиваются в процессе перевода.

Безусловно, одной из наиболее важных задач при передаче стиля автора является сохранение многочисленных средств художественной выразительности, которые оказывают на читателя определённое эмоциональное воздействие и раскрывают различные образы. Поэтому обратимся непосредственно к художественным приёмам и выясним как К. Богатырёв и В. Куприянов справились с этой задачей.

2.1. Прагматическая адаптация переводов произведений Р.М. Рильке при переводе на русский язык

Рассмотрим стихотворение «Испанская танцовщица». В оригинале мы можем видеть сравнение: «Wie in der Hand ein Schwefelzündholz, weiß, eh es zur Flamme kommt» [52, с. 3]. К. Богатырёв сохраняет данный приём при переводе: «Как спичка, чиркнув, через миг-другой выбрасывает языками пламя» [52, с. 3]. В. Куприянов поступает таким же образом, сохраняя сравнение: «Как спичка, вспыхнув» [53, с. 195]. В данном случае наблюдается практически полное соответствие, так как используется эквивалентная лексика. Далее опять же идёт сравнение: «wie Schlangen die erschrecken, die nackten Arme wach und klappernd strecken» [52, с. 3]. К. Богатырёв также сравнивает руки со змеями: «изгибаются, как змеи, трепещущие руки, пламеня» [52, с. 3]. В. Куприянов использует такое же сравнение: «взмывают змеи обнажённых рук» [53, с. 195]. Здесь наблюдается

опущение, К. Богатырёв опускает эпитет «обнажённые». Далее в оригинале следует ряд эпитетов: «sehr herrisch, mit hochmütiger Gebärde» [52, с. 3]. К. Богатырёв передаёт их следующим образом: «высокомерно, плавно, величаво» [52, с. 3]. В. Куприянов ограничился лишь одним эпитетом: «высокомерно голову клоня» [53, с. 195]. То есть можно сказать, что речь снова идёт об опущении. Затем мы видим олицетворение, огонь представляется как живое существо: «da liegt es rasend auf der Erde und flammt noch immer und ergiebt sich nicht» [52, с. 3-4]. К. Богатырёв также использует данный приём: «а пламя в бешенстве перед расправой ползет и не сдаётся и грозит» [52, с. 3-4]. В. Куприянов поступает таким же образом, сохраняя олицетворение: «он злится и у ног её играет, ещё готов он полыхнуть в конце» [53, с. 195]. В переводе К. Богатырёва наблюдается опущение. Если в оригинале присутствуют слова «на земле», то в варианте К. Богатырёва данная лексическая единица отсутствует. В переводе В. Куприянова речь идёт о лексической замене, слова «на земле» переведены как «у ног». Следующий приём, с которым мы столкнулись – это аллитерация: «süßen grüßenden» [52, с. 4], наблюдается повторение звука «с», «festen Füßen» [52, с. 4] повторяется звук «ф». К. Богатырёв сохраняет при переводе аллитерацию и воспроизводит её следующим образом: «Но точно и отточенно и четко, чеканя каждый жест, она разит огонь своей отчетливой чечеткой» [52, с. 4], здесь наблюдается повторение звуков «т» и «ч». В. Куприянов опускает данный приём и ограничивается лишь эпитетами: «проворными и лёгкими ногами» [53, с. 195]. В данном случае поиск словарных эквивалентов не уместен, так как не будет передан стилистический приём. К. Богатырёв подобрал в переводящем языке слова, где также наблюдается повторение согласных звуков, но уже других, следовательно, речь идёт о компенсации. Далее в оригинале мы можем видеть метафору, где об огне говорится как о предмете, который можно взять

в руки, бросить и разбить: «als^[P] würde^[SEP] ihr das Feuer knapp, nimmt sie es ganz

zusamm und wirft es^[SEP] ab» [52, с. 3]. К. Богатырёв сохраняет эту метафору при

переводе: «И вдруг она, зажав огонь в горстях, его о землю разбивает в прах» [52, с. 3]. В. Куприянов в переводе опускает эту метафору, вместо неё он использует олицетворение: «Но вот уже ей стало жаль огня» [53, с. 195]. В варианте В. Богатырёва мы видим лексику, отсутствующую в оригинале «о землю разбивает в прах», следовательно, речь идёт о дополнении. В переводе В. Куприянова об огне говорится как о живом существе. В обоих случаях изменения внесены с целью усиления эмоционального воздействия на читателя.

Рассмотрим «Элегию четвёртую» из «Дуинских элегий». Помимо многочисленных метафор также встречаются эпитеты: «das Leere herkommt mit dem grauen Luftzug» [52, с. 6]. К. Богатырёв сохраняет данный эпитет при переводе, и добавляет свой собственный: «сквозит беззвучной серой пустотой» [52, с. 6]. Здесь имеет место добавление. В. Куприянов передаёт эпитет, присутствующий в оригинале, следующим образом: «пусть пустота со сцены исходит вместе с серым сквозняком» [53, с. 239]. В. Куприянов просто подбирает эквивалент в переводящем языке. Затем следует олицетворение: «die Sterbenden, sollten sie nicht vermuten, wie voll Vorwand das alles ist, was wir hier leisten» [52, с. 7]. В данной строке о мертвецах говорится как о живых существах. К. Богатырёв воспроизводит этот приём так: «Мертвецы, пожалуй, знают, что дела людские – предлог и только» [52, с. 7]. В. Куприянов говорит об этом следующим образом: «И те, кто, умирает, представить могут, чем ещё чревато, всё, что мы здесь творим» [53, с. 241]. В данном случае и тот и другой переводчик прибегнул к использованию модуляции, так как лексический состав сильно отличается от оригинала, но смысл в целом передан одинаково. В оригинале мы можем видеть метафору

«Augenblickes^[P]Zeichnung» [52, с. 6], которую К. Богатырёв переводит как «Эскиз мгновенья» [52, с. 6], а В. Куприянов – «набросок одного мгновенья» [53, с. 237]. К. Богатырёв и В. Куприянов просто подбирают словарные эквиваленты в переводящем языке. Далее снова следует метафора «Kontur des Fühlens» [52, с. 6]. К. Богатырёв передает её так: «очертанья чувства» [52, с. 6], у В. Куприянова мы видим выражение «контур наших чувств» [53, с. 237]. Здесь переводчики также подбирают эквиваленты. Таким образом, можно сказать, что оба автора передают данную метафору довольно близко к оригиналу. Следующая метафора «vor seines^[P]Herzens Vorhang» [52, с. 6] в переводе К. Богатырёва звучит так: «перед занавесом сердца своего» [52, с. 6], в то время как В. Куприянов несколько видоизменяет данную метафору, и она выглядит так: «в театре сердца» [53, с. 237]. Если К. Богатырёв переводит метафору пословно, то В. Куприянов осуществляет замену образа, опуская слово «занавес», и употребляя вместо него слово «театр», которое отсутствует в оригинале. По всей видимости, это было сделано, чтобы вызвать у реципиента нужные ассоциации. В следующей строфе мы видим целый ряд метафор, которые идут одна за другой: «Du, der um mich so bitter das Leben schmeckte, meines kostend, Vater, den ersten trüben Aufguß meines Müssens, da ich heranwuchs, immer wieder kostend und, mit dem Nachgeschmack so fremder Zukunt beschäftigt» [52, с. 6]. К. Богатырёв сохраняет метафоры и передаёт следующим образом: «Ты тот, кто горечь жизни из-за меня вкусил, отец мой, ты настоем тёмным долга моего упившийся, когда я подрастал, ты, тот, кто будущность мою вкушая» [52, с. 6]. В. Куприянов поступает также и его вариант звучит так: «Вкушавший горечь жизни вокруг меня, во мне, да, ты отец, мой первый мрачный привкус долга, когда я рос, вкушавший непременно» [53, с. 239]. Обе метафоры переведены достаточно близко к оригиналу, лексический состав оригинала и перевода выглядит достаточно параллельным, но всё же присутствуют некоторые отличия, например,

присутствуют многочисленные перестановки, внесения которых было необходимо для сохранения узуса переводящего языка, более того у В. Куприянова наблюдается опущение слова «будущность». Далее мы видим ещё одну метафору: «standen da im Zwischenraume zwischen Welt und Spielzeug» [52, с. 7], которая символизирует периоды человеческой жизни. К. Богатырёв в точности её воспроизводит «стоя в пространстве между миром и игрушкой» [52, с. 7]. В. Куприянов передаёт метафору следующим образом «на переходе меж игрой и миром» [53, с. 241]. В данном случае речь идёт о модуляции, так как имеет место целостное преобразование. Затем следует другая метафора «Wer macht den Kindertod aus grauem Brot, das hart wird, – oder läßt ihn drin im runden Mund, so wie den Gröps von einem schönen Apfel?» [52, с. 7]. В данной метафоре говорится, о том, что смерть заложена в человека ещё до рождения. К. Богатырёв воспроизводит данный приём с некоторыми изменениями, здесь опускается слово «огрызок», эпитет «прекрасный» и добавляется слово «семечко», наблюдается замена образов: «Кто слепит смерть из хлеба, – во рту ребенка кто её оставит семечком в яблоке?» [52, с. 7]. Вариант В. Куприянова более близок к оригиналу: «И кто ребёнку смерть из хлеба слепит, из чёрствого, – или даст её в уста, как можно дать огрызок прекраснейшего яблока» [53, с. 241].

Рассмотрим стихотворение «Окно-роза», здесь мы с первых строк встречаем антитезу: «Da drin: das träge Treten ihrer Tatzen macht^[P.P.] eine Stille, die dich fast verwirrt» [52, с. 1]. К. Богатырёв передаёт данный приём таким образом «Там лап ленивых плавное движенье рождает страшный тишины раскат» [52, с. 1]. В переводе наблюдается добавление лексики, такой как эпитет «плавный», слова «раскат». Всё это делается, чтобы в воображении читателя сложилась более красочная картина. Здесь мы видим метафору: «und wie dann plötzlich eine von den Katzen den Blick an ihr, der hin und wieder irrt, gewaltsam in ihr großes Auge nimmt, – den Blick, der, wie von eines Wirbels Kreis ergriffen» [52, с. 1]. У К. Богатырёва она

звучит следующим образом «но вот одна из кошек, взяв мишенью блуждающий по ней тревожно взгляд, его вбирает в свой огромный глаз, и взгляд, затянутый в водоворот зрачка» [52, с. 1]. В данном случае К. Богатырёв использует модуляцию, так как в оригинале отсутствует такое выражение как «взяв мишенью», но употребив его, он делает картину более ясной для реципиента. Дословный перевод в данном случае затруднил бы понимание. Другая метафора присутствует в строках: «So griffen einstmals aus dem Dunkelsein der Kathedralen große Fensterrösen ein Herz und rissen es in Gott hinein» [52, с. 1]. В варианте К. Богатырёва она звучит так: «вот так соборов окна-розы встарь, взяв сердце чье-нибудь из тьмы крошечной, его бросали Богу на алтарь» [52, с. 1]. Здесь К. Богатырёв применил дополнение, добавив слово «алтарь», чтобы у читателя возник привычный образ.

Рассмотрим стихотворение «Газель». Здесь мы встречаем целый ряд сравнений: «und alles Deine geht schon im Vergleich durch Liebeslieder, deren Worte, weich wie Rosenblätter» [52, с. 2]. К. Богатырёв сохраняет сравнение при переводе и заменяет эпитет «мягкий» на «увядшей», то есть применяется лексическая замена: «ты вся, как песнь любви, из нежных слов, слетевших на подобье лепестков с увядшей розы» [52, с. 2]. Более того здесь имеет место модуляция, так как изменениям подвергается целая часть предложения «слетевших на подобье лепестков с ^P_{SEP}увядшей розы», данная лексика не наблюдается в оригинале, и речь скорее идёт о смысловом развитии. В следующих строках мы также видим несколько сравнений: «als wäre mit Sprüngen jeder Lauf geladen und schösse nur nicht ab, solange der Hals das Haupt ins Horchen hält: wie wenn beim Baden im Wald die Badende sich unterbricht: den

Waldsee im gewendeten Gesicht» [52, с. 2]. В варианте К. Богатырёва имеются некоторые изменения, например в оригинале присутствуют слова «Hals» (шея), «Haupt» (голова), в переводе же они заменены на «слух» и «взгляд», то есть мы говорим о лексической замене: «Как будто каждый ствол заряжен, но медлит с выстрелом, покуда знак не дан, и ты вся – слух, и взгляд твой влажен как у купальщицы в пруду лесном, оборотившемся ее лицом» [52, с. 2]. К. Богатырёв применил данный приём, так как при использовании словарных эквивалентов, было бы достаточно сложно передать смысл, вложенный в эти строки так, чтобы его уловил реципиент.

Рассмотрим стихотворение «Единорог». В первой строке мы видим метафору: «Der Heilige hob das Haupt, und das Gebet fiel wie ein Helm zurück von seinem Haupte» [52, с. 2]. К. Богатырёв при переводе опускает сравнение, которое присутствует в оригинале «как шлем со своей головы»: «Святой поднялся, обронив куски молитв, разбившихся о созерцанье» [52, с. 2]. Надо признать, что в данном случае перевод имеет мало общего с оригиналом и речь идёт о дополнении. Таким образом, перевод К. Богатырёва изображает более яркую картину и оказывает на реципиента более сильное эмоциональное воздействие. Затем мы видим метафору: «Der Beine elfenbeinernes Gestell bewegte sich in leichten Gleichgewichten, ein weißer Glanz glitt selig durch das Fell» [52, с. 2]. К. Богатырёв сохранил метафору и в то же время опустил некоторые лексические единицы: «В непринужденном равновесье ног мерцала белизна слоновой кости и белый блеск, скользя по шерсти тек» [52, с. 2]. Здесь присутствует сравнение: «das weiße Tier, das wie eine geraubte hülflose Hindin mit den Augen ^P_{SEP} fleht» [52, с. 2]. К. Богатырёв сохраняет сравнение: «белесый зверь с глазами, как у лани украденной, и полными тоски» [52, с. 2]. В данном случае переводчик использовал перестановку, которая сделала звучание данных строк более привычной для уха русскоязычного читателя. Затем идёт сравнение «wie ein Turm im Mond,

das Horn so hell, und jeder Schritt geschah, es aufzurichten» [52, с. 2]. К. Богатырёв передаёт данный приём близко к оригиналу: «как башня в лунном свете, роги и с каждым шагом выпрямлялся в росте» [52, с. 2]. Здесь К. Богатырёв применяет дополнение, добавляя слово «свет», чтобы в полной мере раскрыть данный образ для читателя. Далее мы видим эпитеты: «Das Maul mit seinem rosagrauen Flaum war leicht gerafft, so daß ein wenig Weiß (weißer als alles) von den Zähnen glänzte» [52, с. 2]. Вариант К. Богатырёва выглядит следующим образом: «Пасть с серовато-розовым пушком слегка подсвечивалась белизной зубов, обозначавшихся все резче» [52, с. 2]. Стоит отметить, что хотя в переводе мы не видим скобок, лексические единицы в скобках также были задействованы при переводе и переведены с помощью модуляции. Слова «белее чем всё» в переводе звучат так: «обозначавшихся все резче», то есть смысл в целом передан, но с помощью других лексических единиц. Также в стихотворении присутствует олицетворение: «Doch seine Blicke, die kein Ding begrenzte» [52, с. 2], о вещах говорится как о живых существах. К. Богатырёв сохраняет данный приём: «Но взгляда не задерживали вещи» [52, с. 2]. Здесь К. Богатырёв использует перестановку, чтобы перевод звучал более естественно на русском языке.

Обратимся к стихотворению «Святой Себастьян». В первой строке мы видим антитезу: «Wie ein Liegender so steht er» [52, с. 3]. К. Богатырёв в точности передаёт этот приём: «Будто лежа он стоит» [52, с. 3]. В данном случае наблюдается подбор эквивалентов в переводящем языке. Далее следует ряд эпитетов: «ganz hingehalten von dem großen Willen» [52, с. 3]. В переводе К. Богатырёва добавлен эпитет «высок»: «высок, мощной волею уравновешен» [52, с. 3]. Здесь использовано дополнение для усиления описательного эффекта. Затем следуют два сравнения: «Weitentrückt wie Mütter, wenn sie stillen, und in sich gebunden wie ein Kranz» [52, с. 3]. К. Богатырёв передаёт сравнения следующим образом: «словно мать кормящая нездешен, и в себе замкнувшись, как венок» [52, с. 3]. Данные строки переведены с помощью модуляции, так как лексический состав

претерпел значительные изменения, но смысл в целом сохранён. Всё это сделано, чтобы у реципиента не возникло сложностей с восприятием, дословный перевод, безусловно, был бы сложен для понимания. Следующий приём – это олицетворение, про стрелы говорится как о живых существах: «Und die Pfeile kommen: jetzt und jetzt» [52, с. 3]. Перевод К. Богатырёва сильно отличается от оригинала, так как здесь присутствуют совсем другие лексические единицы: «Стрелы же охотятся за ним, и концами мелкой дрожью бьются» [52, с. 3], более того, в переводе присутствует часть, которой нет в оригинале, следовательно, можно сделать вывод, что речь идёт о дополнении. Переводчик прибегнул к данному приёму, чтобы у читателя возникла в воображении яркая картина происходящего. Затем следует аллитерация: «und als sprängen sie aus seinen Lenden, eisern bebend mit den freien Enden» [52, с. 3]. Здесь рифма создаётся за счёт повторения согласных в словах «Lenden» и «Enden». К. Богатырёв также передаёт аллитерацию при переводе «...и концами мелкой дрожью бьются, словно вспять из этих бедер рвутся» [52, с. 3], так как в словах «бьются» и «рвутся» повторяются согласные звуки. Подбор словарных эквивалентов, в данном случае, был бы неуместен, так как не удалось бы сохранить приём, поэтому К. Богатырёв подобрал в русском языке другие слова с повторяющимися согласными, следовательно, имеет место компенсация. Далее мы видим эпитеты: «Doch er lächelt dunkel, unverletzt» [52, с. 3], при этом К. Богатырёв опускает эпитет «dunkel» (тёмный) и слово «lächelt» (смеётся) переводит как «улыбчив», хотя в оригинале это глагол: «Он стоит – улыбчив, нераним» [52, с. 3]. Поэтому здесь имеет место грамматическая замена, так как наблюдается замена части речи, а именно глагола на краткое прилагательное, иначе словосочетание «lächelt dunkel» едва ли модно было предать на русский язык, чтобы читатель понял смысл. В данных строках присутствует метафора: «Einmal nur wird seine Trauer groß, und die Augen

liegen schmerzlich bloß, bis sie etwas leugnen, wie Geringes, und als ließen sie verächtlich los die Vernichter eines schönen Dinges» [52, с. 3]. К. Богатырёв переводит метафору со значительными изменениями, которые носят целостный характер, поэтому речь идёт о модуляции: «Лишь на миг в его глазах тоска болью обозначилась слегка, чтоб он смог презрительней и резче выдворить из каждого зрачка осквернителя прекрасной вещи» [52, с. 3]. Опять же, столь многочисленные изменения внесены с целью упрощения восприятия читателем.

Рассмотрим стихотворение «Лебедь». В первой строфе можно видеть сравнение: «gleich dem ungeschaffnen Gang des Schwanes» [52, с. 3]. К. Богатырёв передаёт его следующим образом: «поступи подобна лебединой» [52, с. 3]. Здесь наблюдается перестановка, благодаря которой перевод звучит привычно для русскоязычного реципиента. Далее идут эпитеты: «während er unendlich still und sicher immer mündiger und ^P_{SEP} königlicher und gelassener zu ziehn geruht» [52, с. 3]. К. Богатырёв в точности передаёт эти эпитеты «Лебедь же теперь, воссев на ложе, с каждым мигом царственной и строже и небрежней тянется ^P_{SEP} вперед» [52, с. 3]. В данном случае К. Богатырёв просто подобрал словарные эквиваленты в переводящем языке.

Обратимся к стихотворению «Орфей. Евридика. Гермес». В первых строках мы видим метафору: «Das war der Seelen wunderliches Bergwerk. Wie stille Silbererze gingen sie als Adern durch sein Dunkel» [52, с. 4]. Можно сказать, что в данных строках присутствует и сравнение, например, серебряная руда сравнивается с венами. К. Богатырёв предлагает нечто похожее в своём варианте «В тех странных копиях обитали души, прожилками серебряной руды пронизывая тьму» [52, с. 4], но в отличие от оригинала здесь используется слово «прожилки» вместо «вены». Следовательно речь идёт о лексической замене. Затем мы видим метафору:

«daß eine Welt aus Klage ward» [52, с. 5]. К. Богатырёв воспроизвёл метафору так: «вселенную создав над нею плачем» [52, с. 5]. В данном случае переводчик использовал модуляцию, так как изменения носят целостный характер, а также присутствующую лексические единицы, отсутствующие в оригинале. Далее следует метафора: «Sie war in sich. Und ihr Gestorbensein erfüllte sie wie Fülle» [52, с. 5]. К. Богатырёв передаёт метафору, почти не внося изменений: «Своею переполнена кончиной, она в себе замкнулась» [52, с. 5]. Здесь К. Богатырёв использует такие приёмы как объединение предложений и перестановку, которые упрощают восприятие для русскоязычного реципиента. В последующих строках идёт метафора: «Sie war schon nicht mehr diese blonde Frau, die in des Dichters Liedern manchmal anklang, nicht mehr des breiten Bettes Duft und Eiland» [52, с. 5], помимо метафоры здесь присутствуют такие эпитеты как «blonde» (светлый), «breiten» (широкий). К. Богатырёв сохраняет метафору и заменяет эпитет «широкий» на «благоухающий»: «Навеки перестала быть она красавицею белокурой песен, благоуханным островом в постели» [52, с. 5]. Данное изменение было внесено, чтобы придать строкам большую красочность и произвести на реципиента более сильное эмоциональное воздействие. Другая метафора: «Sie war schon aufgelöst wie langes Haar und hingegeben wie P
SEP gefallner Regen und ausgeteilt wie hundertfacher Vorrat. Sie war schon Wurzel» [52, с. 5]. К. Богатырёв передаёт метафору, сохраняя все образы, но не использует сравнение, которое присутствует в оригинале, следовательно, речь идёт об опущении: «Она была распущенной косою, дождём, который выпила земля, она была растраченным запасом. Успела стать она подземным корнем» [52, с. 5]. Но в целом идея остаётся ясной для читателя. Здесь присутствует сравнение, где кровь сравнивается с порфиром: «Zwischen Wurzeln entsprang das Blut, das fortgeht zu den Menschen, und schwer

wie^[P]_[SEP] Porphyr sah es aus im Dunkel» [52, с. 4]. К. Богатырёв в точности воспроизводит данный приём «Среди корней кровь проступала, устремляясь к людям, тяжелой, как порфир, казалась кровь» [52, с. 4]. В данном случае переводчик использовал перестановку, чтобы строки звучали привычно для уха русскоязычного читателя. Также в стихотворение присутствует перечисление «Felsen waren da und wesenlose Wälder. Brücken über Leeres und jener große graue blinde Teich» [52, с. 4], более того здесь можно видеть несколько эпитетов, например, «ненаселённый», «огромный», «серый». В варианте К. Богатырёва можно видеть, как он добавляет свой эпитет «тусклый»: «Там были никем не населённые леса, утесы и мосты над пустотою. И был там пруд, огромный, тусклый, серый» [52, с. 4]. Здесь К. Богатырёв подбирает эквиваленты в переводящем языке, а также использует дополнение, чтобы предать переводу большую красочность. Затем мы видим сравнение «der über seinem fernen Grunde hing wie Regenhimmel über einer Landschaft» [52, с. 4], озеро, нависшее над дном, сравнивается с небом над землёй. К. Богатырёв в точности передаёт это сравнение: «Навис он над своим далёким дном, как над землею – пасмурное небо» [52, с. 4]. Здесь мы также видим перестановки, которые способствовали более естественному звучанию перевода на русском языке. Далее идёт сравнение: «und wußten nicht mehr von der leichten Leier, die in die Linke eingewachsen war wie Rosenranken in den Ast des Ölbaums» [52, с. 4]. Вариант К. Богатырёва очень близок к оригиналу: «почти совсем забыв о лёгкой лире, которая вращалась в левый локоть, как роза в сук оливковый вращается» [52, с. 4]. Опять же лексический состав оригинала и перевода полностью совпадает, однако изменён порядок слов, что вызвано различиями в грамматической структуре немецкого и русского предложения.

Поэтому К. Богатырёв использует перестановку при передаче приёма на русский язык. Затем вновь следует целый ряд сравнений: «*indes der Blick ihm wie ein Hund vorauslief*» [52, с. 4]. К. Богатырёв передаёт данный приём так: «взор, словно пёс, бежал вперед стремглав» [52, с. 4]. В данном случае К. Богатырёв добавляет слово «стремглав», привычное для русскоязычного реципиента, которое привносит определённую эмоциональную окраску. Другое сравнение: «*blieb sein Gehör wie ein Geruch zurück*» [52, с. 4]. Вариант К. Богатырёва звучит следующим образом: «а слух, как запах, мешкал позади» [52, с. 4]. Здесь имеет место лексическая замена, так как в оригинале мы видим слово «остался», а К. Богатырёв использует слово «мешкал» при переводе, которое привычно для русскоязычного читателя и носит несколько разговорный характер. В следующей строфе мы видим перечисление: «*Den Gott des Ganges und der weiten Botschaft, die Reisehaube^[SEP] über hellen Augen, den schlanken Stab hertragend vor dem Leibe und flügelschlagend an den Fußgelenken*» [52, с. 4]. К. Богатырёв сохраняет перечисление при переводе и делает это с помощью модуляции: «Вот он идет, бог странствий и вестей, торчит колпак над светлыми глазами, мелькает посох тонкий передним, бьют крылья по суставам быстрых ног» [52, с. 4]. Как мы можем видеть, изменения носят целостный характер, так как передача путём подбора словарных соответствий не оказала бы желаемого воздействия на реципиента. Далее снова следует перечисление: «*in der alles noch einmal da war: Wald und Tal und Weg und Ortschaft, Feld und Fluß und Tier*» [52, с. 5]. К. Богатырёв также передаёт данный приём: «вселенную с полями и ручьями, с дорогами, с лесами, со зверьем» [52, с. 5]. Здесь добавляется слово «вселенная», которое отсутствует в оригинале, следовательно, речь идёт о дополнении. Переводчик добавил слово «вселенная», так как оно объединяет все ниже перечисленные понятия, и у читателя создаётся впечатление, что всё это

единое целое. Затем мы видим олицетворение и несколько эпитетов: «und daß um diese Klage-Welt, ganz so wie um die andre Erde, eine Sonne und ein gestirnter stiller Himmel ging, ein Klage-Himmel mit entstellten Sternen» [52, с. 5]. К. Богатырёв сохраняет все эти приёмы при переводе, осуществляя при этом перестановки: «...всходило солнце в жалобной вселенной, такое же, как наше, но в слезах, светилось там и жалобное небо, немое небо в звездах искаженных...» [52, с. 5]. Это вызвано тем, что передача в исходном виде не возможна, так как были бы нарушены нормы переводящего языка. Затем идёт сравнение: «Sie war in sich, wie Eine hoher Hoffnung» [52, с. 5]. У К. Богатырёва мы видим слово «сносях», хотя в оригинале присутствует слово «Hoffnung» (надежда): «Она в себе замкнулась, как на сносях» [52, с. 5]. В данном случае речь идёт о лексической замене, привычное слово заменяется на малоизвестное просторечное устаревшее, чтобы придать сравнению своеобразный русский колорит. Далее мы видим сравнение: «Wie eine Frucht von Süßigkeit und Dunkel, so war sie voll von ihrem großen Tode» [52, с. 5]. К. Богатырёв в точности воспроизводит сравнение: «Как плод созревший – сладостью и мраком, она была полна своею смертью» [52, с. 5]. Здесь К. Богатырёв ограничился подбором словарных эквивалентов в переводящем языке.

Обратимся к стихотворению «Пантера». В первой строфе мы видим сравнение: «Ihm ist, als ob es tausend Stäbe gäbe und hinter tausend Stäben keine Welt» [53, с. 186]. У В. Куприянова же вместо сравнения присутствует перечисление: «Лишь эти прутья, эта сталь чужая, мельканье прутьев, мира больше нет» [53, с. 187]. Прежде всего, бросается в глаза наличие лексики, отсутствующей в оригинале, а именно «эта сталь чужая», следовательно, речь идёт о дополнении, которое позволяет передать образ более детально, формируя в воображении читателя более яркую картину. Более того присутствуют перестановки, которые позволяют избежать нарушения норм

переводящего языка. Далее идут эпитеты: «Der weiche Gang geschmeidig starker Schritte, der sich im allerkleinsten Kreise dreht» [53, с. 186]. В. Куприянов передаёт эпитеты при переводе: «Ее походка мощная упруга, все напряженной движется она» [53, с. 187]. В данном случае при передаче приёма используется модуляция, так как изменения касаются всего предложения в целом. Обычный подбор эквивалентов здесь не уместен, так как идея не будет ясна реципиенту. Далее следует сравнение: «ist wie ein Tanz von Kraft um eine Mitte» [53, с. 186]. В. Куприянов в точности воспроизводит данный приём: «как в танце, в направленьи к центру круга» [53, с. 187]. Здесь мы также можем видеть, что В. Куприянов использовал модуляцию, так как идея передана с использованием других лексических единиц, но данные изменения упрощают восприятие реципиентом. В следующей строке мы видим олицетворение, воля представляется как нечто живое: «in der betäubt ein großer Wille steht» [53, с. 186]. В. Куприянов вносит некоторые изменения, заменив слово «steht» (стоит) на «спит», следовательно, речь идёт о лексической замене: «в котором воля спит, оглушена» [53, с. 187]. Данное изменение делает смысл более понятным для русскоязычного читателя. Здесь присутствует метафора: «geht durch der Glieder angespannte Stille – und hört im Herzen auf zu sein» [53, с. 186]. В. Куприянов передаёт метафору следующим образом: «случайный образ пробежит по членам и в сердце растворится на века» [53, с. 187], при этом можно видеть добавление лексики, которой не было в оригинале. В данном случае изменения коснулись всего предложения в целом, поэтому здесь имеет место модуляция. Внесённые изменения позволили передать приём так, чтобы у реципиента сложилась ясная картина.

Теперь рассмотрим стихотворение «Прощание». В первой строфе мы можем видеть метафору: «Wie hab ich das gefühlt was Abschied heißt. Wie weiß ichs noch: ein dunkles unverwundnes grausames Etwas, das ein Schönverbundnes noch einmal zeigt und hinhält und zerreißt» [53, с. 190]. Вариант В. Куприянова звучит так: «Так в жизнь мою прощание вошло. Как будто вновь сближение, и круто вдруг разрывает тёмная минута всё то, что

целой жизнью быть могло» [53, с. 191], можно сказать, что в данные строки были переведены с помощью модуляции, так как изменения носят целостный характер и лексический состав оригинала и перевода нельзя назвать полностью параллельным, поэтому переводчик использует выражения, которые понятны русскоязычному читателю. Другая метафора: «da es mich, mich rufend, gehen ließ, zurückblieb, so als wären alle Frauen und dennoch klein und weiß und nichts als dies» [53, с. 190]. В. Куприянов при переводе обходится без таких эпитетов как «klein» (маленький) и «weiß» (белый): «где голос раздавался, замирая, он звал меня, но таял без следа, всё женское с собою забирая» [53, с. 191]. Опять же речь идёт о модуляции, так как изменения носят целостный характер и наблюдаются различия в лексическом составе. Здесь присутствует сравнение: «vielleicht ein Pflaumenbaum, von dem ein Kuckuck hastig abgeflogen» [53, с. 190]. В. Куприянов добавляет слово «ласкает», что делает образ, сложившийся в воображении читателя, ещё более красочным: «наверно, так же ветвь ласкает тьму, когда кукушка прочь с нее вспорхнула» [53, с. 191]. Таким образом, можно заключить, что здесь использовалось дополнение.

Рассмотрим «Элегию первую» из «Дуинских элегий». В данных строках мы видим олицетворение, где ночь представляется в виде живого существа, и ряд эпитетов: «O und die Nacht, die Nacht, wenn der Wind voller Weltraum uns am Angesicht zehrt – wem bliebe sie nicht, die ersehnte, sanft enttäuschende, welche dem einzelnen Herzen mühsam bevorsteht» [53, с. 216]. В варианте В. Куприянова мы также видим эпитеты такие как «желанная», «нежная» и ночь также представляется одушевлённым существом: «О и ночь, ночь, когда ветер, надмирности полный, сводит нам лица, с нами ночь остается, желанная, обманщица нежная, лишь она одиноким сердцам предстоит, обещая печаль» [53, с. 217]. Здесь мы можем видеть как слово «вселенная» в оригинале заменяется на «надмирность», которое, по всей видимости является неологизмом и придаёт строкам оттенок экспрессивности. В следующей строчке мы видим олицетворение, звёзды

представлены как живые существа: «Es muteten manche Sterne dir zu, daß du sie spürtest» [53, с. 218]. В. Куприянов также воспроизводит данный приём: «Надеялись звезды иные на твое к ним сочувствие» [53, с. 219]. В данном случае речь идёт о модуляции, так как предложение подвергается целостным изменениям. Таким образом, удаётся избежать нарушения норм переводящего языка и донести смысл до реципиента максимально точно. Затем мы видим олицетворение, о природе говорится как о живом существе: «Aber die Liebenden nimmt die erschöpfte Natur in sich zurück, als wären nicht zweimal die Kräfte, dieses zu leisten» [53, с. 218]. В. Куприянов передаёт данный приём, используя модуляцию: «Но влюбленных природа берет, истощаясь, к себе, словно силы ей не хватает, чтобы снова любовь повторить» [53, с. 219]. Содержание оригинала было бы слишком трудно для восприятия русскоязычного реципиента, поэтому переводчик максимально его упрощает. Другое олицетворение присутствует в строках: «Sollen nicht endlich uns diese ältesten Schmerzen fruchtbarer werden?» [53, с. 218]. О болях здесь говорится как о нечто одушевлённом. В. Куприянов поступает таким же образом: «Не должны ли уже и для нас эти старинные боли плод принести?» [53, с. 219]. В данном случае речь идёт о грамматической замене, так как слово «fruchtbar» (плодовитый) в оригинале является прилагательным, а в переводе оно становится существительным «плод». Замена позволила избежать нарушения узуса переводящего языка. Затем мы видим сравнение: «und selbst den eigenen Namen wegzulassen wie ein zerbrochenes Spielzeug» [53, с. 220]. В. Куприянов передаёт сравнение, сохраняя все образы: «и даже имя свое отбросить, как сломанную игрушку» [53, с. 221]. Здесь В. Куприянов ограничился подбором словарных эквивалентов. Далее идёт сравнение: «die Früheentrückten, man entwöhnt sich des Irdischen sanft, wie man den Brüsten milde der Mutter entwächst» [53, с. 222]. В. Куприянов в точности передаёт данное сравнение путём подбора эквивалентов: «они отвыкают нежно от всего земного, как дети, уже отнятые от груди» [53, с. 223]. Здесь мы видим метафору: «und die findigen Tiere merken es schon, daß wir nicht sehr

verlässlich zu Haus sind in der gedeuteten Welt» [53, с. 216]. В. Куприянов передаёт метафору достаточно близко к оригиналу, о чём свидетельствует параллельность лексического состава: «И чуткие звери уже замечают, что наш дом ненадежен для нас, в истолкованном мире» [53, с. 217], здесь звери наделяются человеческими качествами с помощью слова «чуткие», поэтому здесь также имеет место олицетворение. Затем следует метафора: «Wirf aus den Armen die Leere zu den Räumen hinzu, die wir atmen» [53, с. 216]. В. Куприянов в точности передаёт эту строку, сохраняя все образы и подбирая словарные эквиваленты: «Урони же из рук пустоту в бездну, которой мы дышим» [53, с. 217]. Далее идёт метафора и олицетворение, где скрипка выступает в роли одушевлённого существа: «Es hob sich eine Woge heran im Vergangenen, oder da du vorüber kamst am geöffneten Fenster, gab eine Geige sich hin» [53, с. 218]. Вариант В. Куприянова выглядит следующим образом: «Прошлое поднимало волну за волной, или мимо окон распахнутых ты проходил, и к тебе скрипка взывала» [53, с. 219], опять же все образы сохранены, но в переводе первой части предложения присутствуют целостные изменения, поэтому здесь имеет место модуляция. В. Куприянов использовал данный приём, чтобы образ был понятнее реципиенту. Далее следует метафора: «Aber das Wehende höre, die ununterbrochene Nachricht, die aus Stille sich bildet» [53, с. 220], о тишине говорится как о чём-то вещественном. В. Куприянов сохраняет данный приём, подбирая эквиваленты в переводящем языке: «Но дуновение слушай, непрерывную весть, сотканную из тишины» [53, с. 221]. В следующих строках присутствует метафора: «Und das Totsein ist mühsam und voller Nachholn, daß man allmählich ein wenig Ewigkeit spürt» [53, с. 220]. В. Куприянов также говорит о вечности как о чём-то вещественном: «И трудно быть мертвым, и наверстывать жизнь, пока ощутишь постепенно толику вечности» [53, с. 221]. Целые части предложения были подвергнуты изменениям, следовательно, здесь используется модуляция, благодаря которой в предложении не нарушены нормы русского языка.

Обратимся к стихотворению «Осенний день». В первой строфе мы можем видеть метафору: «Herr, es ist Zeit. Der Sommer war sehr groß. Leg deinen Schatten auf die Sonnenuhren, und auf den Fluren lass die Winde los» [53, с. 120]. В варианте В. Куприянова мы наблюдаем незначительную перестановку слов: «Господь, вся радость лета на весах, пора: ветрами насели долины и тень продли на солнечных часах» [53, с. 121]. В следующей строфе также присутствует метафора: «Befiehl den letzten Früchten, voll zu sein; gib ihnen noch zwei südlichere Tage, dränge sie zur Vollendung hin, und jage die letzte Süße in den schweren Wein» [53, с. 120]. В. Куприянов передаёт метафору используя те же образы, что и в оригинале, более того он использует те же эпитеты: «Вдохни в плоды последний аромат, позволь немного ясных промедлений, добавь еще до зрелости осенней последний сок в тяжелый виноград» [53, с. 121]. В данном случае речь также идёт о перестановке, благодаря которой текст, звучит привычно для уха русскоязычного читателя. Здесь мы видим аллитерацию: «Wer jetzt allein ist, wird es lange bleiben, wird wachen, lesen, lange Briefe schreiben und wird in den Alleen hin und her unruhig wandern, wenn die Blätter treiben» [53, с. 120], здесь наблюдается повторение согласного звука «б» в словах «bleiben», «schreiben», и «treiben». В. Куприянов сохраняет аллитерацию при переводе за счёт повторения согласного звука «т» в словах «лета», «ответа» и «просвета»: «И кто ни с кем не подружился с лета, слать будет долго письма без ответа и по листве разрозненной бродить один, под облаками без просвета» [53, с. 121]. Так как подбор прямых словарных эквивалентов был бы бессмыслен, В. Куприянов находит в русском языке слова, где также повторяется согласный звук, но уже другой.

Далее обратимся к стихотворению «Капитель». Здесь присутствует метафора: «aufsteigend aus verwirrendem Gequäl der nächste Tag erhebt» [52, с. 1]. К. Богатырёв сохраняет данный приём и передаёт следующим образом: «прорвав ночных кошмаров канитель, всплывает

новый день» [52, с. 1]. Другая метафора также включает в себя ряд эпитетов: «gedrängt und rätselhaft verschlungen, flügelschlagende Geschöpfe: ihr Zögern und das Plötzliche der Köpfe» [52, с. 1]. К. Богатырёв добавляет свои собственные эпитеты, заменяя существительные прилагательными, следовательно, имеет место грамматическая замена: «с ее запутавшеюся в клубок крылатой тварью, сбившеюся в кучу, загадочно трепещущей, прыгучей» [52, с. 1]. Данный ряд эпитетов производит на реципиента определённое эмоциональное воздействие. В следующих строках присутствует как метафора, так и сравнение: «was immer wieder mit dem Dunkel kalt herunterfällt, wie Regen Sorge tragend für dieses alten Wachstums Unterhalt» [52, с. 1]. Стоит отметить, что в переводе К. Богатырёва метафора претерпела значительные изменения: «что купол соберет в горсти и выронит во тьме, ^[P]_[SEP] как ливня гроздя, чтоб жизнь могла на утро прорасти» [52, с. 1], например, в оригинале и вовсе отсутствуют слова «утро», «жизнь». Изменения коснулись всего предложения в целом, следовательно, речь идёт о модуляции, которая позволяет донести описанные образы до русскоязычного читателя.

Далее обратимся к стихотворению «Морг». Здесь мы видим метафору: «An dem Überdruß um ihren Mund hat man herumgewaschen: er ging nicht ab; er wurde nur ganz rein» [52, с. 2]. К. Богатырёв передаёт приём следующим образом: «С лица у губ следы тоски смывали рьяно: их не сотрешь – видны сквозь белизну» [52, с. 2]. Приём передан с помощью модуляции, так как предложение подверглось целостным изменениям, и наблюдается разница в лексическом составе. Другая метафора «Die Augen haben hinter ihren Lidern sich umgewandt und schauen ^[P]_[SEP] etzt hinein» [52, с. 2] воспроизводится К. Богатырёвым с добавлением лексических единиц, чтобы изобразить перед читателем более

яркую картину и усилить эмоциональное воздействие: «Глаза повертываются во мраке зрачками внутрь и смотрят в глубину» [52, с. 2].

2.2. Способы осуществления прагматической адаптации на русский язык

Обратимся к стихотворению «Морг». Здесь мы видим следующие строки: «Da liegen sie bereit, als ob es gälte» [52, с. 1]. К. Богатырёв предлагает следующий перевод данных строк: «Их приготовили к игре постфактум, как будто дело за апофеозом» [52, с. 1]. Сложность при переводе данных строк заключается в том, что пословный перевод не оказал бы на реципиента необходимого воздействия, так как он просто не уловил бы смысл, вложенный в эти строки. С целью передачи смысла содержания, К. Богатырёв использует модуляцию, о чём и свидетельствуют различия в лексическом составе оригинала и перевода, а также целостный характер преобразований.

Рассмотрим стихотворение «Единорог». Здесь присутствуют следующие строки: «Der Beine elfenbeinernes Gestell bewegte sich in leichten Gleichgewichten» [52, с. 2]. К. Богатырёв переводит их следующим образом: «В непринужденном равновесье ног мерцала белизна слоновой кости» [52, с. 2]. Сложность заключается в том, что в данных строках образ описывается при помощи таких лексических единиц, которые не формируют у русскоязычного читателя нужного представления, поэтому К. Богатырёв отказывается от пословной передачи и использует модуляцию. Данный факт подтверждается наличием лексики, отсутствующей в оригинале и целостным характером изменений. Также сложности при переводе может вызвать следующая строка: «warfen sich Bilder in den Raum» [52, с. 2], которая у К. Богатырёва звучит так: «он образы метал кругом» [52, с. 2]. Сложность заключается в том, что при использовании прямых словарных эквивалентов складывается несколько странная картина, потому что получается следующее «он метал картины в пространстве». Чтобы избежать этого К. Богатырёв использует лексическую замену при переводе, поэтому вместо слова

«картины» мы видим слово «образы», а вместо слова «пространство» слово «кругом».

Обратимся к стихотворению «Святой Себастьян». Здесь мы видим строки: «Einmal nur wird seine Trauer groß, und die Augen liegen schmerzlich bloß» [52, с. 3]. Вариант К. Богатырёва звучит так: «Лишь на миг в его глазах тоска болью обозначилась слегка» [52, с. 3]. Сложность заключается в том, что при дословном переводе нарушается узус переводящего языка, что затрудняет восприятие реципиентом, поэтому К. Богатырёв использует модуляцию, чтобы этого избежать, о чём свидетельствует наличие смыслового развития.

Рассмотрим стихотворение «Лебедь». Здесь присутствуют следующие строки: «Und das Sterben, dieses Nicht mehr fassen jenes Grunds, auf dem wir täglich stehn» [52, с. 3]. К. Богатырёв переводит их следующим образом: «Смерть – конечное непостижение основанья нашей жизни всей» [52, с. 3]. При дословном переводе части предложения «auf dem wir täglich stehn», у реципиента возникли бы сложности с пониманием, поэтому К. Богатырёв прибег к помощи модуляции, о чём свидетельствуют кардинальные изменения в этой части предложения. Хотя при этом смысл передан достаточно точно.

Обратимся к стихотворению «Испанская танцовщица». Здесь мы видим следующие строки: «beginnt im Kreis naher Beschauer hastig, hell und heiß ihr runder Tanz sich zuckend auszubreiten» [52, с. 3]. Вариант К. Богатырёва звучит так: «начинает танец свой она, в кольцо зажатая толпой и кружится все ярче и упрямей» [52, с. 3]. В данном случае сложность заключается в том, что дословный перевод не передал бы смысл, вложенный в эти строки, так некоторые лексические единицы переведены не с помощью прямых словарных соответствий, а несколько иначе, например слова «hell» (светлый) и «heiß» (горячий) переводятся как «ярче» и «упрямей». К. Богатырёв использует лексическую замену, чтобы избежать искажения смысла.

Рассмотрим стихотворение «Орфей. Евредика. Гермес». Здесь присутствуют следующие строки: «Und als plötzlich jäh der Gott sie anhielt und mit Schmerz im Ausruf die Worte sprach» [52, с. 5]. К. Богатырёв предлагает такой перевод: «И потому, когда внезапно бог остановил её движением резким и горько произнес» [52, с. 5]. Сложность заключается в том, что при дословном переводе нарушается узус переводящего языка, поэтому, чтобы этого избежать К. Богатырёв применяет модуляцию, в следствие чего, мы наблюдаем значительные расхождения с оригиналом в плане лексического состава, но в то же время смысл донесён до реципиента достаточно точно.

Обратимся к «Элегии четвёртой» из «Дуинских элегий». Здесь мы видим строку: «O Bäume Lebens, o wann winterlich?» [52, с. 6]. Перевод К. Богатырёва звучит следующим образом: «Когда придет зима, деревья жизни?» [52, с. 6]. Сложность заключается в том, что в оригинале присутствует слово «winterlich», не имеющее эквивалента в русском языке, поэтому переводчик использует модуляцию, чтобы передать значение данного слова реципиенту с помощью словосочетания «придет зима». Далее идёт строка: «Sind nicht wie die Zugvögel verständigt» [52, с. 6]. Вариант К. Богатырёва звучит так: «Нам бы поучиться у перелётных птиц» [52, с. 6]. Сложность заключается в том, что дословный перевод привёл бы к нарушению узуса переводящего языка, чтобы того избежать К. Богатырёв применил модуляцию, о чём свидетельствует целостный характер изменений и непараллельность лексического состава оригинала и перевода. Затем идут строки: «Sieh, die Sterbenden, sollten sie nicht vermuten, wie voll Vorwand das alles ist, was wir hier leisten» [52, с. 7]. К. Богатырёв предлагает следующий перевод данных строк: «Мертвецы, пожалуй, знают, что дела – людские предлог и только» [52, с. 7]. Сложность заключается в том, что оригинал содержит большое количество лексических единиц, перевод которых, не обязателен при передаче смысла русскоязычному читателю, поэтому К. Богатырёв опускает их и использует модуляцию, частично изменяя предложение так, чтобы оно было понятно реципиенту. Далее мы

видим строки: «O Stunden in der Kindheit, da hinter den Figuren mehr als nur Vergangnes war und vor uns nicht die Zukunft» [52, с. 7]. Вариант К. Богатырёва звучит так: «По крайней мере, в детстве что-то сверх бывшего за предметами скрывалось, и с будущим не сталкивались мы» [52, с. 7]. Сложность заключается в том, что при дословном переводе содержание предложения было бы непонятно реципиентом, поэтому К. Богатырёв использует дополнение, чтобы упростить восприятие русскоязычным читателем.

Рассмотрим стихотворение «Осенний день». В самом начале мы видим строку: «Der Sommer war sehr groß» [53, с. 120]. В. Куприянов переводит строку следующим образом: «величье лета на весах» [53, с. 121]. Здесь сложность заключается в том, что при дословном переводе предложение звучало бы несколько примитивно в понимании русскоязычного читателя «Лето было очень великим», поэтому В. Куприянов использовал модуляцию и создал некий образ, отсутствующий в оригинале, чтобы придать некоторую экспрессивность. Следующая строка: «gib ihnen noch zwei südlichere Tage» [53, с. 120]. Вариант В. Куприянова звучит так: «позволь немного ясных промедлений» [53, с. 121]. Сложность заключается в том, что при дословном переводе нарушается узус переводящего языка и перевод выглядел бы так: «Дай им ещё два южных дня». Для уха русскоязычного читателя такое предложение звучало бы неестественно, потому В. Куприянов применил модуляцию, о чём свидетельствует целостный характер изменений и различия в лексическом составе. Далее идут строки: «Wer jetzt allein ist, wird es lange bleiben, wird wachen, lesen, lange Briefe schreiben» [53, с. 120]. В. Куприянов предлагает следующий перевод данных строк: «И кто ни с кем не подружился с лета, слать будет долго письма без ответа» [53, с. 121]. Казалось бы, строки не представляют сложности для перевода, но путём подбора словарных эквивалентов не удалось бы оказать необходимое эмоциональное воздействие на реципиента и передать идею одиночества,

поэтому В. Куприянов использует модуляцию, внося в предложение целостные изменения, а также существенно меняя лексический состав.

Выводы по второй главе

Исследовав ряд произведений Р.М. Рильке, мы выяснили, что для передачи стилистических приёмов К. Богатырёв и В. Куприянов использовали переводческую трансформацию – модуляцию. Она составила большую часть приемов и использовалась, когда подбор словарных эквивалентов был не возможен и привёл бы к нарушению узуса или норм переводящего языка. Нередко встречались лексическая и грамматическая замены, дополнение. Они применялись с целью пояснения читателю или придания строкам большей красочности. Присутствовали случаи использования объединения предложений, опущения, когда информация являлась избыточной и не была важна для передачи смысла и оказания воздействия на читателя, перестановки, а также несколько примеров компенсации, когда стилистический приём неизбежно терялся при переводе, и необходимо было воссоздать его средствами переводящего языка.

Передача стилистических приёмов важна для эмоционального воздействия на реципиента. Более того средства художественной выразительности как нельзя лучше передают стиль автора, поэтому их так важно сохранять при переводе. Говоря о способах осуществления прагматической адаптации на русский язык, стоит отметить, что наиболее частотным приёмом для её достижения также являлась модуляция. Встречались многочисленные дополнения, опущения, лексические и грамматические замены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе нами рассмотрены базовые понятия теории перевода, уровни переводческой адаптации и эквивалентности. Обозначим ряд тезисов, легших в основу работы. Цель перевода – обеспечение коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода. Коммуникативная равноценность и адекватность воздействия достигается благодаря прагматической адаптации исходного сообщения к условиям вторичной коммуникации. Во главу угла теория перевода ставит описание содержательных отношений между исходным и полученным в результате перевода текстами, раскрытие понятий «эквивалентность перевода» и «адекватности перевода». Эквивалентность призвана обеспечить

соответствие полученного в результате перевода текста параметрам, заданным текстом оригинальным. Адекватность же определяется условиями межъязыковой коммуникации, а также выбором той переводческой стратегии, которая соответствует той или иной коммуникативной ситуации.

Теория уровней эквивалентности – модель переводческой деятельности, подразумевающая, установление эквивалентности между идентичными уровнями текстов оригинала и перевода. Уровень эквивалентности определяется частью содержания, передающейся в переводе для достижения его эквивалентности. Уровни эквивалентности по Комиссарову: уровень цели коммуникации, уровень описания ситуации, уровень высказывания, уровень сообщения, уровень языковых знаков.

Трансформация – это закономерное изменение основной языковой модели, приводящее к созданию вторичной языковой структуры. В.Н. Комиссаров выделяет лексические, грамматические и комплексные трансформации.

Мы также выделили особенности художественного перевода, являющегося наиболее сложным. Основная особенность качественного художественного перевода – это отличное знание страны, культуры и ментальности. Кроме того, переводчик должен передать стиль автора, его авторский замысел, точно отобразить смысл текста и сохранить гармоничность художественного текста.

Прагматика перевода поэтического произведения состоит в выделении черт перевода стихотворного текста, соответствующих в коммуникативном плане исключительно поэтическому тексту как сообщению. С прагматической точки зрения более адекватным является тот перевод стихотворного произведения, что направлен на семиотическую составляющую поэтического текста. Среди переводов поэзии Рильке преобладают адекватный перевод, вольный перевод и перевод-девальвация.

Известные переводчики К. Богатырёв и В. Куприянов сохранили своеобразие стиля Р.М. Рильке при переводе, передали идею и смысл

произведения, адаптировали текст под русскоязычного читателя. Для передачи стилистических приёмов они использовали такие переводческие трансформации как модуляция, которая составила большую часть и использовалась в тех случаях, когда подбор словарных эквивалентов был не возможен и привёл бы к нарушению узуса или норм переводящего языка. Достаточно часто встречалась лексическая и грамматическая замена, дополнение, в тех случаях, когда необходимо было дать некоторые пояснение читателю или придать строкам большую красочность. Использовались объединение предложений, опущения, когда информация являлась избыточной и не была важна для передачи смысла и оказания воздействия на читателя, перестановки, а также компенсации, когда стилистический приём неизбежно терялся при переводе, и нужно было воссоздать его средствами переводящего языка. Для преодоления сложностей при реализации прагматической адаптации наиболее частотным приемом явилась модуляция, применялись также дополнения, опущения, лексические и грамматические замены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альмяшова Л.В. К вопросу адекватности перевода (на материале стихотворения Р.М. Рильке. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2012/almyashova.html> (дата обращения 11.03.19).
2. Андреюшкина Т.Н. Феномен жанра «Стихотворение-вещь» в поэзии Р.М. Рильке и философские основы «вещи». Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева, 2018. Т. 2. № 2. С. 5-13.
3. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка: для институтов и факультетов иностр.яз./Учебник – М.:Высш.шк., 1983. 271с.

4. Бузаджи Д.М. Стандартизация или энтропия? К вопросу о переводческих универсалиях. Журнал переводчиков «Мосты» 2(34), 2012. С. 58-70.
5. Бузаджи Д.М., Ковальчук А.В. Сущность, причины и виды непереводаемости. Журнал переводчиков «Мосты» 1(49), 2016. С. 58-70.
6. Велединская С.Б. Курс общей теории перевода. Томск, 2010. 230 с.
7. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: УРСС, 2008. 648 с.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
9. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007. 544 с.
10. Гумбольдт В. Ф. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
11. Демецкая В.В. Определение понятия адаптация в рамках теории коммуникации и переводоведения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2007. Т. 20 (59). № 2. С. 107-111.
12. Демецкая В.В. Эквивалентность и адекватность воспроизведения прагматических текстов в переводе // Научные записки. Выпуск 104 (1). Серия «Филологические науки (языкознание)». Кировоград, 2012. С. 35-39.
13. Демецкая В.В. Теория адаптации в переводе (Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук). К., 2008 [Электронный ресурс].URL: <http://disser.com.ua/content/349461.html#download> (дата обращения: 25.04.2019).
14. Ермолович Д.И. Кто украл пирожные из Страны Чудес, или Беззубая улыбка Чеширского Кота. Журнал переводчиков «Мосты» 1(49), 2016. С. 45-57.
15. Загидуллин Р.З. Критика концепции перевода как вида языкового посредничества // Теория и практика перевода. Выпуск 19. К., 1993. С. 23-30.

16. Зейферт Е. Вячеслав Куприянов. Об особенностях восприятия и перевода поэзии Райнера Марии Рильке. Стороны света 2019, 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://stosvet.net/6/seifert/> (дата обращения 21.04.19).
17. Ивлева А. Ю. Художник-текст-реципиент. Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, Саранск, 2008. С. 44-108.
18. Касаткина К.А. Проблема художественного перевода англоязычных авторов на немецкий язык. Сборник: Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков сборников материалов IV Международной научной заочной конференции. Тольяттинский государственный университет, Гуманитарно-педагогический институт. 2014. С. 103-109.
19. Касаткина К.А. Эквивалентность как основной критерий качества перевода. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 3 (41). С. 119-123.
20. Комиссаров В.Н. Лингвистические модели процесса перевода // Тетради переводчика. Вып. 9. М. : 1972. 134 с.
21. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М. : 1999. 136 с.
22. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М. : 2004. 406 с.
23. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: 1990. 253 с.
24. Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и её преодоление. (Начало) Журнал переводчиков «Мосты» 2(30), 2011. С. 30-38.
25. Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и её преодоление. (Окончание) Журнал переводчиков «Мосты» 3(31), 2011. С. 21-30.
26. Лысенкова Е.Л. Поэзия и проза Р.М. Рильке в русских переводах. Автореферат диссертации доктора филологических наук. [Электронный

- ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-i-proza-r-m-rilke-v-russkih-perevodah#ixzz5l4dBdPBe> (дата обращения 11.03.19).
27. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореферат диссертации кандидата филологических наук, 1999. 22 с.
28. Найда Ю. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 130-131.
29. Паршин А. Теория и практике перевода, 1999. 202 с. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/parshin_andrey/teoriya_i_praktika_perevoda.html#0 (дата обращения: 25.04.2019).
30. Попов А. Открыл для нас Рильке. [Электронный ресурс]. URL: <https://komikz.ru/news/history/10998> (дата обращения 26.02.19).
31. Рецкер Я.И. Теория и перевода и переводческая практика. М. : 2007. 244 с.
32. Рецкер Я.И. Что такое лексические трансформации. Журнал переводчиков «Мосты» 3(31), 2011. С. 10-20.
33. Ригби Э. Адекватный перевод: что это такое и когда он невозможен. [Электронный ресурс]. URL: <http://translation-blog.ru/adekvatnyj> (дата обращения 14.04 19).
34. Савельев В. Особенности перевода творчества Р.М. Рильке. [Электронный ресурс]. URL: https://znanio.ru/media/issledovatel'skaya_rabota_o_sobennosti_perevoda_tvorchestva_rm_rilke-17339/21586 (дата обращения 07.02.19).
35. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М. : 2007. 447 с.
36. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.
37. Станиславский А. Р. Адаптация и перевод: языковое посредничество. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/08/12209> (дата обращения 02.04.19).

38. Степанов М. С. Прагматические аспекты поэтического перевода. [Электронный ресурс]. URL: <https://psibook.com/literatura/pragmaticheskie-aspekty-poeticheskogo-perevoda.html> (дата обращения 17.03.19).
39. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М. : Наследие, 2000. 254 с.
40. Федоров А.В. Основы общей теории переводов (лингвистические аспекты). М. и СПб. : 2002. 416 с.
41. Френкель В. Рильке и Пастернак. Крещатик 2010, 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2010/3/fr29.html> (дата обращения 26.02.19).
42. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : 1988. 215 с.
43. Шичкина М. Г. Интертекстуальность и прагматическая адаптация при переводе художественных англо- и немецкоязычных текстов // Молодой ученый. 2016. №10. С. 1513-1516. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/114/30061/> (дата обращения: 14.04.2019).
44. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Перев. с итал. А.Н. Ковалю. СПб. : «Симпозиум», 2006. 574 с.
45. Эко У. «Таинственное пламя царицы Лианы» / У. Эко Санкт-Петербург: Изд-во Симпозиум, 2008. 596 с.
46. Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. Leipzig: Verlag Sprache und Literatur, 1968. 168 S.
47. Reiss K, Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tuebingen: Niemeyer, 1991. 248 S.
48. Roberts. N. A Companion to Twentieth Century Poetry. Ed. by MA: Blackwell Publishing, 2001. 288 p.
49. Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. L.: Routledge, 2002. 208 p.
50. Wessbort D. (ed.) Translation - Theory and Practice: A Historical Reader./N.Y.: Oxford University Press, 2006. 672 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

51. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003. 320 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

52. К. П. Богатырев, перевод Im-Werden-Verlag, 2001. 7 S.
53. Рильке Р.М. Стихотворения: Сборник / Составл. В. Куприянова. 2-е изд-е, дополн. М. : ОАО Издательство «Радуга». 2003. На немецком языке с параллельным русским текстом. 416 с.
54. Rilke R.M. Die Gedichte [Rilkes lyrisches Werk in einem Band]. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 2006. 895 S.